

МЁРТВЫЕ ГОВОРЯТ

КОСТЯНОЙ ПРЕСТОЛ

ФЭНТЕЗИ-
ДЕТЕКТИВ

КНИГА 3

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

Мёртвые говорят. Костяной престол

<https://litres.ru/74595659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Григорий Ветров умирает. Дар, что позволяет ему слышать мёртвых, выжигает его изнутри — и с каждым «слушанием» цена растёт.

Остановиться нельзя. Впереди — столица Рёйн, белый город, стоящий на костях. Под ним сто лет собирается «Костяной престол»: триста шестьдесят шесть чужих жизней, запертых в древнем скелете, как бусины на нити. Не хватает трёх.

Тот, кто правит столицей, ждёт последнюю — и этой «бусиной» должен стать сам Ветров. «Отдающий», который помнит.

Чтобы остановить его, Григорию придётся сделать то, чего он боялся больше всего: вспомнить, кто он есть. И понять, что «помнящий не горит» — лишь половина правды.

Вторая половина страшнее. Потому что «помнящий ведёт».

Финальная книга цикла «Мёртвые говорят» — о том, чем платят за выбор не отворачиваться от мёртвых. И о любви, ради которой стоит выжить.

Содержание

Глава 1. Дорога на север	4
Глава 2. Первая остановка	9
Глава 3. Постоялый двор	14
Глава 4. Слух	18
Глава 5. Отсрочка	22
Глава 6. Письмо из Карда	26
Глава 7. Дознаватель	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анатолий Бевза

Мёртвые говорят.

Костяной престол

Глава 1. Дорога на север

Столица была на севере. За перевалом. Там, где, по словам Миры, «дорога кончается, и начинается другое».

Мы выехали из Карда на рассвете — впятером, как и въехали в эту историю: я, Рената, Морт, Мира и Тео. Только теперь всё было иначе. Рената ехала ближе, чем нужно. Морт молчал больше, чем говорил. Мира вела. А Тео смотрел на север так, будто видел там что-то, чего боялся назвать.

Дорога на север была не такой, как на юг. Та, к Кайру, вилась через степь — плоскую и честную. Эта лезла вверх, цепляясь за склоны, и с каждым днём воздух становился холоднее, а небо — ниже. Будто мир к северу сжимался, сужался, как воронка, в которую нас засасывало.

К северу мир менялся. Степь осталась позади, и пошли леса — тёмные, хвойные, где солнце не доставало до земли. Деревья стояли вплотную, как стена, и от них тянуло сыростью и прелью. Иногда на обочинах попадались покосившиеся столбы с выцветшими знаками — кто-то помечал дорогу,

но буквы стёрлись, и остались только зарубки, как на костях.

— Здесь раньше ходили караваны, — сказала Мира, кивнув на столбы. — Давно. Пока Регент не закрыл дороги.

— Закрыл? — переспросил Тео.

— Оставил одну. Эту. — Она помолчала. — Чтобы все, кто идёт, проходили через одни ворота. И через одни глаза.

К вечеру нам попался ещё один знак — но не на столбе. На дереве. Старый вяз, что стоял у дороги, как одинокий страж, был покрыт вырезанными спиралями. Сотнями. С глазом в центре каждой.

— Это что? — спросил Тео, замедляя шаг.

— Метки, — тихо сказала Мира. — Такие, как на телах. Только на дереве. — Она помолчала. — Кто-то помечал дорогу. Давно. Чтобы те, кто идёт, знали, куда идут.

— И куда? — спросил я.

— В Рёйн. — Мира не смотрела на меня. — Куда же ещё.

— Столица, — сказала Мира в первый вечер у костра, — называется Рёйн. Но в порту её звали иначе. «Костяной двор».

— Почему? — спросил Тео.

— Потому что там белый камень. — Мира помешала угли палкой. — Весь город из белого камня. Издалека, на закате, он похож на кости. На рёбра. На позвонки. — Она подняла на меня глаза. — Мой отец говорил: кто увидел Рёйн на закате — уже не вернётся прежним.

Я смотрел в огонь и чувствовал, как немеют пальцы.

Не от холода. От того самого, что началось ещё в Вальдене. Сначала — дрожь в левой руке. Потом — онемение в кончиках. Теперь оно поднималось выше, к запястью, медленно, как вода в трюме тонущего корабля. Я сжимал и разжимал кулак, но пальцы слушались всё хуже.

Морт это видел. Я знал, что видел. Он весь вечер молчал, подкладывал в костёр травы, от которых шёл горький лечебный дым, и делал вид, что не смотрит на мои руки. А потом, когда я в очередной раз сжал кулак и не смог, — молча протянул кружку. Горячую. С тем самым настоем, что он варил по ночам, пока все спали.

— Пей, — буркнул он. — Пальцы отпустит. Ненадолго.

Я выпил. Горько. И, правда, отпустило. Ненадолго.

— Ты как? — спросила Рената, когда все начали устраиваться на ночь.

— Как человек, который едет в город из костей, — ответил я. — А ты?

— Нормально. — Она села рядом. — Пока ты не спрашиваешь.

Это была её манера — отвечать так, чтобы не соврать, но и не сказать лишнего. Я давно научился её читать. Сейчас она не была «нормально». Она была напугана — тем самым страхом, который умела прятать за ровной спиной и спокойным голосом.

— Мы дойдём, — сказал я.

— Знаю. — Она не смотрела на меня. — Ты всегда так

говоришь.

— И пока доходил.

— Пока. — Она наконец повернулась, и в её глазах, в отблеске костра, я увидел то, что она не говорила вслух. — Вот именно. Пока.

Тео, сидевший по другую сторону огня, кашлянул.

— А что мы вообще знаем про Рёйн? — спросил он, чтобы сменить тему. — Кроме того, что он из костей.

— Мало, — сказал Морт, не поднимая глаз. — И всё — плохое.

— Например?

— Например, что там нет Синклита. — Морт подбросил в огонь щепку. — В Рёйне правит Регент. Один. И все дороги, все караваны, все «носильщики» — всё ведёт к нему.

— Регент, — повторил я. Это слово я слышал впервые. — А король?

— А короля нет. — Морт посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не видел давно. — Уже сто лет нет. Вместо него — Регент. Правитель без монарха.

Стало тихо. Только угли потрескивали, да где-то внизу, в долине, шумел ветер.

Сто лет. Я крутил это число в голове, как гальку в руке. Сто лет ждал магистр Вальдена. Сто лет собирался костяк. Сто лет Рольт, в Карде, боялся умереть, сам не зная почему. А теперь — сто лет правит Регент.

Слишком много совпадений для одного числа. Или слыш-

ком много нитей, что сходятся в одну точку.

Я посмотрел на север, туда, где за перевалом лежал Рёйн — город из белого камня, город, похожий на кости.

— Значит, — сказал я, — мы едем к человеку, который правит сто лет и ждёт ещё дольше.

— Нет, — тихо ответила Мира, не глядя на меня. — Мы едем к тому, кто, может быть, и не человек вовсе.

И в этой фразе, произнесённой шёпотом, над костром, среди тёмных гор, было больше правды, чем я хотел признать.

Ночью мёртвые снова звали меня. Я не ответил.

Я лежал под плащом, смотрел на звёзды и считал про себя, сколько ещё раз я смогу не отвечать, прежде чем они перестанут звать. И не знал, что страшнее: что перестанут — или что нет.

Глава 2. Первая остановка

Деревня называлась Листовая — десяток домов, прилепившихся к склону, как ласточкины гнёзда. Мы остановились там на ночь, потому что лошади выбились из сил, а я — из последних.

Нас пустили неохотно. На север от Кайра люди боялись чужаков ещё сильнее, чем на юге. Но за пару монет староста отдал нам сарай на краю, пахнувший сеном и овцами.

Деревня сама была какая-то притихшая. Ни собак, ни детей, ни смеха. Ставни закрыты, хотя до ночи было ещё далеко. И только ветер гулял по пустым дворам, поднимая пыль, как будто и он здесь был незванным гостем.

— Они уже знают, — тихо сказала Мира, оглядываясь. — Про «мор». Про знаки. Про всё.

— И бояться, — добавила Рената.

— Боятся — это ещё ничего. — Морт сплюнул. — Хуже, когда перестают бояться. Тогда перестают и спрашивать.

А вечером пришла женщина.

Она не постучала. Просто встала в дверях сарая, сжимая край платка, и смотрела на меня так, будто я уже был мёртв — и только поэтому мог помочь.

— Вы тот дознаватель? — спросила она. — Тот, что говорит с мёртвыми?

Я переглянулся с Ренатой.

— Я слушаю мёртвых, — сказал я. — Иногда.

— У меня дочь. — Голос у неё не дрожал, что было страшнее любых слёз. — Уже третий день. Не ест, не пьёт, только шепчет. И знак у неё на запястье. Маленький. Мел... нет. Выжженный.

У меня внутри всё оборвалось.

— Выжженный, — повторил я. — Спираль? С глазом?

— Да. — Она сглотнула. — Как у тех, в порту. Я слышала, что вы там были. Что вы нашли, кто это делает. — Она подалась вперёд, и в её глазах мелькнула та самая, страшная надежда. — Помогите. Она ещё жива. Вы можете... спросить у неё. Пока не поздно.

Я открыл рот. Закрыл. В висках застучало.

Спросить. Значит — «послушать». Положить руку и открыть то, что ещё не ушло. И тогда я узнаю, кто ставит знаки. Кто тянет жизнь из молодых.

И, может быть, не встану.

Я посмотрел на свою левую руку. Пальцы уже почти не слушались. Морт говорил — не вслух, но я слышал, — что ещё одно «слушание» может стать последним. Не «чуть-чуть». Совсем.

— Я... — начал я.

— Подожди. — Рената встала между мной и женщиной. — Дознаватель нездоров. Он не может сейчас.

— Но она умирает! — Женщина сделала шаг вперёд. — Что значит «не может»? Он же может! Вы же сами говорили

— он говорит с мёртвыми!

Я смотрел на неё. На её дрожащие руки. На надежду, которая сейчас, в этот самый миг, решала, во что ей верить.

И я знал, что должен сказать. Должен.

— Простите, — сказал я. — Я не могу.

Тишина. Женщина смотрела на меня, и в её глазах надежда умирала — медленно, как её дочь.

— Не можете, — повторила она. — Понятно.

Она развернулась и ушла. Не хлопнула дверью. Просто ушла, и её тишина была громче любого крика.

— Ты мог бы? — спросил Тео, когда шаги стихли. В его голосе не было осуждения. Только вопрос, на который он сам боялся услышать ответ.

— Не знаю. — Я смотрел в пол. — Может, мог бы. А может, это меня бы и прикончило.

— И ты не стал рисковать.

— Не стал. — Я поднял на него глаза. — И теперь не знаю, что из этого правильнее.

Мира, молчавшая всё это время, подошла и села рядом. Не сказала ни слова. Просто сидела, и её молчание было не осуждением. Пониманием. Она знала, каково это — выбирать между «может, смогу» и «может, не встану».

— В Листойой все знают, — тихо сказала она наконец. — Что если у молодого выжжен знак — он не жилец. И что никто не поможет. — Она посмотрела на меня. — Поэтому они и не просят. А она пришла. Значит, отчаялась.

Ночью я не спал.

Слушал, как где-то за стеной, в доме у склона, кто-то шепчет. Девочка. Имя её я так и не спросил. Не хватило духу.

— Ты правильно сделал, — сказала Рената в темноте. — Если бы ты сгорел сейчас — они все остались бы без ответа.

— Знаю.

— Тогда почему ты не спишь?

— Потому что «правильно» и «легко» — это разные вещи. — Я смотрел в потолок. — Я всегда это знал. Просто сегодня почувствовал.

К утру шёпот стих.

Я вышел из сарая на рассвете. У дома на склоне уже стояли люди — молча, как стоят у постели, где всё кончено.

Женщина увидела меня. Не подошла. Просто посмотрела — тем взглядом, который я буду помнить дольше, чем любую правду, которую мог бы узнать.

Морт подошёл сзади, встал рядом.

— Не говори, — сказал он. — Что ты мог бы узнать.

— Мог бы. — Я смотрел на дом. — Наверняка мог бы. Узнал бы, кто ставит знаки. Спас бы следующую.

— Или сгорел бы. — Морт взял меня за плечо. — И тогда не спас бы никого. Ни её. Ни следующих.

— Знаю. — Я смотрел на дом, на людей, на женщину, что так и стояла, не отводя глаз. — Но это ничего не меняет.

Потому что в ту ночь, в деревне Листовая, я впервые по-настоящему понял, что такое цена дара. Не дрожь в руке. Не

кровь из носа.

А девочка, которую я мог бы спасти — и не спас, потому что побоялся умереть.

И теперь я не знал, что из этого было правильным.

Мы уезжали из Листойой на рассвете.

Деревня провожала нас молча — так же, как встретила. Только теперь в этой тишине был не страх. Что-то другое, чего я не сразу понял.

Женщина стояла у калитки — та самая, что приходила вечером. Она не подошла. Не сказала ни слова. Просто смотрела, как мы седлаем лошадей, и в её глазах не было ни злобы, ни упрёка.

Только усталость. И что-то, похожее на то, что бывает у людей, которые уже всё поняли — и им от этого не легче.

Я не оглянулся. Но её взгляд я вёз с собой всю дорогу до Рёйна.

Глава 3. Постоялый двор

Постоялый двор назывался «Три ворона» — и ворон там было больше, чем постояльцев. Они сидели на коньке крыши, на заборе, на телеге во дворе и смотрели на нас так, будто ждали, когда мы доедем до конца.

Внутри было пусто и холодно, как в склепе. Хозяин — сутулый, с лицом человека, который давно не удивляется, — молча подал ключи и ушёл. Даже не спросил, кто мы. На севере вопросы задавали редко: меньше знаешь — дольше живёшь.

Вороны за окном каркали всю ночь. Как будто считали нас.

Мы сняли две комнаты. Морт, Мира и Тео — в одной, мы с Ренатой — в другой. Никто не спросил, почему так. Просто так вышло.

За стеной было слышно, как Морт ворчит на кого-то — не то на клопов, не то на жизнь. Потом — тихий смех Миры. Потом — голос Тео, что-то объясняющего шёпотом.

Они были рядом. И от этого, как ни странно, было спокойнее. Даже здесь, на краю чужого мира, мы были не одни. Пятеро. Как тогда, в Карде, когда всё только начиналось.

Только тогда мы не знали, куда идём. А теперь знали. И от этого было не легче.

Я сидел на кровати и разминал пальцы. Они слушались

всё хуже, и я делал это украдкой, когда никто не смотрит. Но Рената всегда смотрела.

— Перестань прятать, — сказала она, не оборачиваясь. Она разбирала вещи у окна, и спина у неё была ровная, как всегда.

— Я не прячу.

— Прячешь. — Она повернулась. — Ты думаешь, я не вижу, как ты сжимаешь кулак, когда думаешь, что никто не смотрит?

Я замолчал.

— В Листойой ты соврал, — продолжала она. — Не мне. Себе. Сказал «не могу» — а сам не знал, сможешь или нет. Ты просто испугался.

— И правильно сделал, — огрызнулся я. — Ты сама говорила.

— Я говорила, что ты не должен сгореть. — Она подошла ближе. — А не то, что ты должен молчать о том, что с тобой. Это разные вещи, Григорий.

Она снова назвала меня по имени. Это всегда значило, что разговор серьёзный.

— А что мне говорить? — Я встал. — Что я умираю? Ты это и так знаешь. Что ещё одно «слушание» может меня убить? Знаешь. Что в столице, скорее всего, нам конец? Тоже знаешь. — Я смотрел на неё. — Зачем повторять то, что мы оба знаем?

— Затем, что я не хочу читать это по твоим рукам! — Го-

лос у неё сорвался, и это было хуже крика. — Я устала угадывать. Устала смотреть, как ты сжимаешь кулак и делаешь вид, что всё в порядке. Ты меня пугаешь, понял? Не тем, что умираешь. А тем, что молчишь.

В комнате стихло. Только вороны за окном каркали, как будто им было смешно.

— Прости, — сказал я наконец. — Я... не умею иначе.

— Учись. — Она смотрела на меня, и в её глазах были слёзы, которые она не давала упасть. — Потому что если ты умрёшь, а я не буду знать, что ты чувствовал, — я тебе этого не прощу. Никогда.

Я подошёл к ней. Осторожно, как к раненому зверю. Взял её за руку — ту самую, что сжимала край подоконника.

— Я не умру, — сказал я.

— Врёшь.

— Вру. — Я усмехнулся. — Но ты же просила говорить. Вот я и говорю.

Она фыркнула — то ли смех, то ли всхлип. И ударила меня кулаком в плечо. Не больно. Просто чтобы было.

— Дурак, — сказала она.

— Знаю. — Я притянул её к себе. — Но я твой дурак. Если это что-то меняет.

Она не ответила. Просто уткнулась лбом мне в плечо, и мы стояли так, в комнате с воронами за окном, и впервые за долгое время я не думал ни о мёртвых, ни о костяке, ни о Регенте.

Я думал о том, что, кажется, я всё-таки не один.

И что, может быть, ради этого стоит научиться не молчать.

Она уснула первой — прямо так, не раздеваясь, уткнувшись в моё плечо. А я лежал и слушал, как за окном каркают вороны, и впервые за долгое время не считал, сколько мне осталось.

Я считал другое: сколько раз она меня вытаскивала. В Карде. В Кайре. В Вальдене. И теперь — в Рёйне, куда мы ещё даже не доехали.

Выходило много. Слишком много, чтобы бросить её теперь.

Глава 4. Слух

На четвёртый день нам встретились беженцы.

Их было трое — старик, женщина и мальчик, тащившие на тележке всё, что успели забрать. Они шли с севера, на юг, и глаза у них были такие, какие бывают у людей, что видели то, о чём лучше не рассказывать.

Тележка скрипела на все голоса. В ней, под рогожей, лежало немного: два узла с одеждой, чугунок, кукла с обломанной рукой. Всё, что осталось от дома, из которого они ушли ночью, не оглядываясь.

Мальчик — лет семи, босой, несмотря на холод, — всю дорогу смотрел на нас, но не спрашивал ни о чём. Дети на севере рано учились не спрашивать.

— Не езжайте туда, — сказал старик, когда мы остановились у обочины. — Нечего там делать живым.

— Мы ищем правду, — сказал я.

— Правду. — Он горько усмехнулся. — В Рёйне правда — это то, что Регент позволит тебе знать. А остальное — как отрезают.

— Регент, — повторила Рената. — Кто он?

Старик переглянулся с женщиной. Та перекрестилась.

— Никто не знает, — сказал он тихо. — Он правит, сколько себя помню. Мой дед говорил — и при нём он был. И при деде моего деда. — Он понизил голос. — Говорят, ему сто

лет. А лицо — как у молодого. И будто он не ест, не спит, не стареет. Просто сидит в своём белом дворце и смотрит.

— И чего он хочет? — спросил Тео.

— Хочет, чтобы всё было, как он велел. — Старик сплюнул. — Чтобы молодые не уезжали. Чтобы рождались, жили и умирали там, где он скажет. И чтобы не задавали вопросов.

У меня похолодело в груди.

— А что с молодыми? — спросил я. — Которые умирают?

Старик долго смотрел на меня. Потом ответил — так тихо, что я едва расслышал:

— А про них никто не говорит. Их просто... забирают. И всё. Как будто их и не было.

Женщина вдруг всхлипнула, прижала к себе мальчика.

— У меня дочь, — прошептала она. — Забрали. Месяц назад. Пришли ночью, в серых плащах, и сказали: «Регент ждёт». И увели. — Она подняла на меня заплаканные глаза. — И больше я её не видела.

Мира побледнела. Я видел, как она сжала кулаки.

— В серых плащах, — повторила она. — «Носильщики».

— Да. — Женщина всхлипнула. — Так их у нас зовут. Потому что они уносят.

Морт, всё это время молчавший, наконец подал голос:

— И вы просто... отдали дочь?

— А что нам было делать? — Женщина посмотрела на него, и в её глазах была не злоба. Отчаяние. — Они приходят ночью. Их много. И все знают: кто спорит — тот исчезает

следом.

Тишина. Только ветер свистел над дорогой.

Мы двинулись дальше, когда беженцы скрылись за поворотом. Но их слова остались с нами — как холод, что уже не выветривался.

Долго ехали молча. Каждый переваривал услышанное по-своему. Морт крутил в пальцах пузырьрёк, как чётки. Мира куталась в плащ, хотя не было холодно. Тео всё поглядывал на север, будто боялся, что оттуда кто-то выйдет.

— Они отдали дочь, — вдруг сказала Рената, ни к кому не обращаясь. — Не потому что не любили. А потому что боялись.

— Страх — это тоже выбор, — отозвался я.

— Да. — Она повернулась ко мне. — И мы сейчас выбираем то же самое. Только наоборот. Едем туда, откуда бегут.

Я не нашёл, что ответить. Потому что она была права. И потому что «наоборот» звучало как приговор.

— Он не человек, — прошептала Мира. — Регент. Не может быть человеком. Сто лет без старости. Сто лет забирает молодых.

— Или он очень старый маг, — сказал Морт. — Который нашёл способ не умирать.

— Нет, — сказал я, глядя на север. — Способ не умирать — это ещё не способ жить. Он забирает молодых не потому, что ему нужны их жизни. Ему нужно что-то другое.

— Что? — спросил Тео.

— То, что магистр в Вальдене называл «воротами». — Я помолчал. — Только магистр верил, что ворота откроют для всех. А я думаю, они нужны одному человеку. Чтобы наконец... — я не договорил.

— Чтобы что? — спросила Рената.

Я посмотрел на дорогу, что уходила на север, к белым стенам Рёйна.

— Чтобы закончить то, что началось сто лет назад, — сказал я. — И о чём мы пока не знаем ничего.

Глава 5. Отсрочка

Морт принёс настой на пятый вечер.

Мы сидели у костра на склоне, и он подошёл, протянул мне кружку с чем-то горячим и горьким, и по его лицу я понял: разговор будет.

Костра на всех не хватало — дрова на севере были сырые, и огонь шипел, как змея, больше дымил, чем грел. Мы жалась к нему по двое, кутались в плащи и молчали. Молчание на севере было как вата — глушило и слова, и мысли.

— Пей, — сказал он. — Это замедлит.

— Замедлит что? — спросил я, хотя знал.

— Сгорание. — Он сел рядом. — Не вылечит. Но даст тебе ещё немного. Пару недель. Может, месяц.

Я выпил. Горло обожгло, как будто я проглотил гвоздь.

— Что там? — спросил я, глядя в кружку.

— Всё, что нашёл по дороге. — Морт не обернулся, всё так же глядя в огонь. — Корень чёрной травы. Смола северной ели. Щепотка соли из той лужи, что мы переходили вчера. — Он помолчал. — И ещё кое-что, чему нет названия. То, что растёт только на мёртвой земле.

— И это помогает?

— Держит. — Он наконец повернулся. — Как палец, которым затыкают дыру в плотине. Не чинит. Но даёт время. — Он посмотрел на меня. — А время — это всё, что нам

сейчас нужно.

Две недели.

Я крутил эти слова в голове, как Морт крутил свой пузырь. Две недели на то, чтобы дойти до Рёйна, найти способ не сгореть, остановить Регента и, если получится, не умереть самому.

Слишком мало для всего. И, наверное, слишком много для того, чтобы успеть попрощаться.

Я смотрел на спящих. На Морта, что ворочался у костра. На Тео, что даже во сне хмурился, будто решал задачу. На Миру, что держала в кулаке обрывок страницы с именем сестры. На Ренату, что спала рядом — и даже во сне держала руку на рукояти меча.

Две недели. И я вдруг понял, что боюсь не умереть. Боюсь не успеть. Не успеть сказать им всё, что должен. Не успеть сделать всё, что обещал.

— Не спится? — тихо спросила Рената, не открывая глаз.

— Думаю.

— О чём?

— О том, что две недели — это очень мало. И очень много.

Она помолчала. Потом, не открывая глаз, нашла мою руку и сжала.

— Значит, успеем, — сказала она. — Всё, что надо. Успеем.

— Пару недель, — повторил я. — И что потом?

— Потом — ещё настой. — Морт не смотрел на меня. — А потом ещё. Пока не кончатся травы. — Он помолчал. — Или пока мы не найдём настоящий способ.

— А он есть? Настоящий?

Морт долго молчал. Потом достал из сумки обрывок пергамента — старый, с обгоревшим краем, тот самый, что он таскал с собой из Карда.

— В той книге, что сжёг мой учитель, — сказал он тихо, — было не только «вымаранное». Там было про «отдающих». Про то, как они сгорают. И про то, как не сгореть. — Он развернул обрывок, и я увидел на нём выцветшие буквы. — Я успел запомнить кусок. Но не весь.

— И где остальное?

— В столице. — Морт поднял на меня глаза. — В архиве Синклита Рёйна. Там хранится полная копия. Та, что не сожгли. — Он сложил обрывок. — Если мы её найдём — может, и узнаем, как тебя не сжечь.

— «Может».

— Может. — Он пожал плечами. — Большого я не обещаю.

Я смотрел на огонь, на пляшущие языки, и думал о том, как странно устроена эта дорога. Мы ехали в столицу, чтобы остановить Регента. А теперь выходило, что в той же столице, в том же архиве, лежал и ответ на то, как мне не умереть.

— И Лина? — спросил я. — Ей бы это помогло?

Морт замер. Потом медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я тогда не знал про архив. Я думал, что вылечу её настойками. А настойки только оттягивали. — Он сглотнул. — Вот и всё.

Он помолчал, глядя в огонь.

— В тот день, когда она умерла, — сказал он наконец, — я как раз варил настой. Новый. Думал, вот этот поможет. — Он сглотнул. — А когда пришёл к ней — она уже не дышала. И настой остыл у меня в руках. — Он поднял на меня глаза. — Я его потом вылил. Весь. В землю. Как будто это что-то меняло.

Над костром затихло. Где-то внизу, в долине, шумела река.

— Тогда, — сказал я, — мы найдём эту книгу. Не только ради меня.

Морт не ответил. Только кивнул — коротко, как человек, который боится поверить.

И я впервые подумал: может, у нас в этой столице будет не одна цель, а две. Остановить Регента. И найти способ, как мне не сгореть.

И обе — в одном месте.

Глава 6. Письмо из Карда

Письмо догнало нас на шестой день.

Всадник — молодой, запыхавшийся, в плаще Храма — выехал нам навстречу из тумана и протянул свёрнутый лист, не слезая с седла.

— От отца Каса, — сказал он. — Велено передать в руки.

Я развернул. Почерк отца Каса был мелкий, торопливый, с кляксами — так пишут ночью, при свече, когда боятся, что не успеют.

«Ветров. Пока ты в дороге, я рылся в бумагах Рольта. В том, что осталось от его кабинета после... сам знаешь. И нашёл то, о чём должен сказать.

Рольт не был сам по себе. У него были письма. Кому — не подписано, но по обрывкам я понял: из столицы. Ему приказывали. Десятилетиями. И в одном письме, самом старом, было число. Сто лет. «Когда костяк соберётся, ты будешь свободен». Свободен от чего — не знаю. Но знаю другое: Рольт ждал этого сто лет. Так же, как магистр в Вальдене. Так же, как, боюсь, и тот, кто правит в Рёйне.

Это один и тот же замысел, Ветров. Один человек. Одна цель. И длится она уже сто лет. Береги себя. Кас».

Я дочитал и передал Ренате.

Бумага была старая, мятая, с обгоревшим краем — видно, отец Кас писал при свече и не раз перечитывал, прежде чем

отправить. Всадник ждал, не слезая с седла, — как человек, которому велено доставить и не задерживаться.

— Ответ будет? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Передай отцу Касу: береги себя.

Всадник кивнул и растворился в тумане, откуда приехал.

Я перечитал письмо ещё раз, про себя. И поймал себя на мысли, что смотрю на него не как на весть от друга, а как на кусок пазла. Ещё один. В той картине, что складывалась у меня в голове уже три книги.

Рольт. Магистр. Регент. Костяк. Все они были частью чего-то, что началось сто лет назад. И я — тоже часть. Просто моя роль была не доиграна.

Оставалось выяснить, какая.

— Сто лет, — тихо сказала она, пробежав глазами. — Опять.

— Опять, — сказал я. — И теперь я понимаю, почему Рольт так боялся умереть. Не потому, что боялся смерти. А потому, что должен был дожить до конца замысла. До того момента, когда костяк соберётся.

— И если бы он не рассыпался, — подхватил Морт, — он бы дожил. И сделал бы то, что ему приказали.

— А он рассыпался, — сказала Мира. — Значит, замысел остался без исполнителя.

— Нет. — Я покачал головой. — Рольт был не единственным. Таких, как он, — по всем городам. Кайр. Вальден. Кто знает, сколько ещё. — Я посмотрел на север. — Все они —

пальцы одной руки. А рука — в столице.

Тео, молчавший всё это время, подал голос:

— И рука эта — Регент.

— Регент, — подтвердил я. — Который правит сто лет.

И ждёт, когда соберётся костяк. Чтобы наконец сделать то, чего ждёт уже сто лет.

— Но что? — спросила Рената. — Чего можно ждать сто лет?

Я не ответил. Потому что не знал.

Но где-то глубоко, под страхом и усталостью, я чувствовал: ответ на этот вопрос ждёт нас в Рёйне. И он будет страшнее, чем всё, что мы видели до сих пор.

Глава 7. Дознаватель

Тело нашли на седьмой день — у обочины, в двух лигах от последней деревни.

Туман в то утро стоял по пояс — густой, как молоко, и из него торчали только верхушки деревьев, как утопленники. Мы ехали шагом, почти на ощупь, и потому заметили тело не сразу — сначала слышали ворон.

Они сидели на ветках над дорогой, молчаливые, нахохленные. Вороны на севере не кричали. Они ждали.

Мужчина. Немолодой. Лежал на спине, раскинув руки, и лицо у него было спокойное, как у спящего. Если бы не выжженный знак на виске — никто бы и не подумал, что он мёртв от чего-то, кроме сна.

Мы остановились. И первым к телу пошёл Тео.

Не я. Тео.

Он присел, откинул плащ, осмотрел руки — уверенно, по порядку, как его учили в Карде. Потом поднял голову.

— Смерть часа четыре назад, — сказал он. — Может, пять. Ногти чистые, следов борьбы нет. Знак свежий, выжженный — но недавно, ещё края тёплые. — Он нахмурился. — Его убили там, где он стоял. И принесли сюда.

Я смотрел на него и молчал. Дай ему доработать.

— Или, — продолжал Тео, — он умер здесь. Но тогда почему нет следов борьбы? — Он оглядел землю. — Трава не

примята. Если бы его тащили, остался бы след. — Он поднял на меня глаза, и в них была та самая лихорадка, что бывает у молодых, когда они впервые чувствуют: это их дело. — Значит, его убили не здесь. Его принесли. И положили, чтобы мы нашли.

— Хорошо, — сказал я. — А теперь посмотри на его обувь.

Тео нахмурился. Наклонился. Потом медленно выпрямился.

— Подошвы чистые, — сказал он. — Не в дорожной пыли. А мы в двух лигах от деревни. — Он сглотнул. — Если бы он шёл сюда сам, обувь была бы пыльной. Значит, он не шёл. Его несли. Или... он умер ещё до того, как его вынесли из дома.

— Вот теперь — верно. — Я кивнул. — Ты сам это увидел. Просто сначала не дочитал.

Тео покраснел.

— Я поспешил, — сказал он. — Сразу схватился за «убили там, где стоял».

— И это тоже ошибка. — Я смотрел на него. — Но не страшная. Страшная — когда не признаёшь. А ты признал.

Он выпрямился, и я увидел, как в нём — в этом мальчишке, который когда-то боялся войти в мертвецкую, — что-то окончательно встало на место.

— Значит, — сказал он, глядя на тело, — его убили не здесь. И принесли. Чтобы мы нашли. А это значит, что нас

ждут. И знают, где мы идём.

Я переглянулся с Ренатой.

— Поздравляю, Тео, — сказал я. — Ты только что сделал первый вывод, который пугает.

Он не улыбнулся. Только смотрел на мёртвого, на его спокойное лицо, на свежий знак на виске.

И я понял: он больше не помощник. Он — дознаватель.

И это, наверное, и хорошо, и страшно одновременно.

Потом, когда мы уже тронулись, Тео поравнялся со мной.

— В Карде, — сказал он тихо, — я бы побоялся. Признаться, что ошибся. Думал, это стыдно. — Он помолчал. — А ты меня не ругал. Просто показал, где я не дочитал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.